

«ВОЗВЫШЕНИЕ» ШОС: УСПЕХИ И ПРЕПЯТСТВИЯ

Проводится мысль о том, что ныне ШОС – быстро эволюционирующий «узел» многополярного мира, способный активно противостоять глобальным и региональным рискам. Однако, при всей ощутимости успехов сотрудничества, наблюдаются несовпадения интересов ряда членов Организации, особенно в плане экономического развития. Авторы приводят предложения по повышению эффективности ШОС как международной структуры, рассматривая факторы, препятствующие дальнейшей оптимизации деятельности Шанхайской группы.

Ключевые слова: ШОС; угрозы безопасности; внешнеэкономические связи; ЕАЭС; ЭПШП; эффективность международной организации.

С последние годы наблюдается значительный рост роли и влияния Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) как на региональном, так и на глобальном уровнях, который еще 5–7 лет назад не был столь очевиден. Вес ШОС в мировых делах возрос в силу достижений политико-экономического развития стран Организации и институционального упорядочивания ее структур. Ныне активность Шанхайской группы расширяется и в ООН, и во взаимодействии с такими структурами, как G-20, НАТО, АСЕАН и БРИКС. На усиление глобального и регионального влияния Организации «работает» и корпус наблюдателей ШОС. Сегодня в него входят четыре государства – Иран, Белоруссия, Монголия и Афганистан. Расширение группы стран – партнеров по диалогу в составе Азербайджана, Армении, Камбоджи, Непала, Турции и Шри-Ланки также способствует повышению авторитета ШОС в международной жизни. Можно сказать, что ныне Организация – один из быстро эволюционирующих центров многополярного мира [1. С. 81], стоящих не просто перед возможностью, но и перед необходимостью наращивания своей активности для противостояния рискам в развитии международной обстановки.

Так, в сфере безопасности Организацию в ближайшие два года ждут нелегкие испытания на центрально-азиатском «фронте». На фоне обострения проблем трансграничной преступности, религиозного экстремизма, сепаратизма и наркотрафика усиливаются тревожные ожидания 2015–2016 гг. Конфликт ключевой страны ШОС – России – и государства-наблюдателя Турции не может не сказаться на внутривнутриполитическом климате Организации. Нарастание неопределенности связано и с двусмысленностью намерений Вашингтона по поводу объемов и окончательных сроков вывода войск западной коалиции из кризисной Исламской республики Афганистан (ИРА), подразумевающего или перенос военно-политической ответственности за ситуацию в стране на администрацию президента Афганистана, или возложение на коалиционные силы дополнительных функций. Состоится ли полномасштабный вывод войск или же в ИРА останется специальный, особо уполномоченный контингент коалиции – все это покажет ближайшее будущее.

Стратегически весомые средне- и долгосрочные перспективы столь значимых для ИРА экономических отношений в рамках ШОС связаны с модернизацией и развитием транспортных коммуникаций, проходящих из Центрально-Азиатского региона (ЦАР) через Аф-

ганистан в южном направлении, с содействием прокладки ЛЭП из стран Центральной Азии в Афганистан и транзитом через него – в Пакистан, а также со строительством прочей инфраструктуры, реализацией социальных программ для населения [2. С. 284].

Все эти экономические начинания логичным образом требуют особой внешней среды, в которой созидательная работа могла вестись или просто в мирных условиях, или же под защитой специального оборонного контингента. Поэтому, в любом случае, вопросы безопасности и сотрудничества со структурами, заинтересованными в сохранении стабильности в ЦАР и вокруг него, выйдут для ШОС на первый план.

Несмотря на усиление глобальных позиций Шанхайской группы, активность на региональном уровне останется для Организации базовой функцией. Модель ШОС образца 2016 г. предусматривает дальнейшее наполнение региональной повестки в свете особенностей турецких и афганских процессов, а также с учетом углубления центральноазиатских диспропорций (рост традиционных и нетрадиционных угроз безопасности региона, связанных с активностью ИГИЛ, экономический подъем одних государств и спад в других, обострение водно-экологических, социальных проблем, риски растекания «арабской весны» и др.) [3. С. 9–11].

Однако между глобальным и региональным позиционированием ШОС пока нет явных противоречий. Одно вытекает из другого, оба вектора дополняют друг друга.

В торгово-экономической и инвестиционной деятельности Организации по-прежнему доминирует двусторонний формат сотрудничества, представленный совместными проектами (в основном инициированными китайской стороной) с конкретными государствами – членами ШОС. Страны-наблюдатели привлечены к этим процессам пока слабо (что на настоящий момент может быть даже полезным, если учесть нестабильность ситуации в ряде из них). Преобладание двусторонних форм сотрудничества – явление объективное, сложившееся в силу масштабности финансово-инвестиционного и торгово-экономического ресурса КНР, значительно превышающего возможности других государств – членов Организации. В принципе, данное положение дел не несет явной угрозы жизнеспособности ШОС как таковой.

Общий объем привлеченных капиталовложений Китая в странах Центральной Азии к 2015 г. составил,

по нашим оценкам, примерно 40 млрд долл. Освоение китайских инвестиций любого назначения так или иначе стимулирует товарооборот между КНР и государствами Центральной Азии, а также улучшает ряд макроэкономических показателей стран региона. А сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком»-импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств Центральной Азии на трансрегиональном уровне и росту их добывающего комплекса [4].

Главным центральноазиатским контрагентом Китая остается Республика Казахстан (РК). Росту двусторонней торговли за последние 7 лет содействовало открытие в 2006 г. единственной в регионе зоны свободной торговли, расположенной на китайско-казахстанской границе. В 2013 г. товарооборот КНР и РК превысил 22,5 млрд долл. [5] (тогда же общий объем китайско-центральноазиатской торговли достиг 40,2 млрд [6]). Однако в 2014 г. в силу кризисных явлений в мировой экономике товарооборот между двумя странами впервые продемонстрировал спад и составил 17,2 млрд долл. Что касается китайских инвестиций в экономику Казахстана, то с 1992 по 2013 г. их сумма составляла порядка 20 млрд долл., включая около 6 млрд прямых инвестиций. В 2014 г., несмотря на все объективные трудности, приток китайских капиталовложений в экономику РК продолжился. В сентябре 2015 г. в рамках государственного визита президента Казахстана Н. Назарбаева в КНР стороны заключили 25 соглашений на общую сумму 23 млрд долл. [7]. В немалой степени это было сделано во исполнение договоренностей 2013–2014 гг. по реализации инвестиционных проектов в Казахстане на общую сумму около 43 млрд долл. Таким образом, объем китайских капиталовложений в РК в течение последних 1,5 лет вдвое превысил объем инвестиций КНР, привлеченных за предыдущие 20 лет [8].

В экспертном сообществе России и Китая продолжается активное обсуждение перспектив и направлений интеграции в рамках ШОС. В начале 2000-х гг., когда Организация только набирала силу, Пекин воспринимал ее пространство (территорию постоянных членов) как доступный вектор китайских интеграционных усилий, изначально направленных на создание зоны свободной торговли (ЗСТ). Однако защитная реакция малых стран ШОС и принцип консенсуса при принятии решений, предусмотрительно заложенный отцами-основателями в учредительных документах Организации, сыграли сдерживающую роль для китайского проекта [9]. Вариант «ЗСТ-2004» в ЦАР не прошел. Китайцы, тем не менее, впоследствии провели документ о перспективах интеграции в зоне ШОС до 2020 г. А в ходе заседания Совета глав правительств государств – членов Шанхайской организации сотрудничества 14 декабря 2015 г. премьер госсовета КНР Ли Кэцян вновь озвучил идею создания ЗСТ ШОС, подразумевающую не только достижение к 2020 г. свободы перемещения товаров, капиталов, прочих факторов производства между странами-участницами, но и, по всей видимости, содействие включению стран Центральной Азии в китайскую

стратегию «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭППШП).

Видится целесообразным уточнить два вопроса, представляющихся важными для аккларации общих хозяйственных перспектив Организации:

1. С помощью каких административных, политических и / или чисто экономических средств и механизмов возможно наиболее эффективным образом осуществить «апгрейд» экономических проектов с двустороннего уровня в формат многосторонней кооперации?

2. В какой степени и по каким направлениям совпадают или не совпадают торгово-экономические интересы КНР и других стран ШОС?

Очевидно, что с технологической и организационной точки зрения придать двусторонним проектам трех- или четырехсторонний формат – дело достаточно сложное. Гораздо легче инициировать многосторонние проекты заново, прежде всего в производственной, торговой и инфраструктурных сферах.

Ряд российских экспертов (А. Грозин и др.) полагают, что экономическое наступление КНР в регионе происходит больше за счет вытеснения западных, а не российских предпринимательских единиц. Интересы китайского бизнеса не противоречат-де ключевым устремлениям российских компаний, хотя по отдельным (локальным) направлениям между ними и могут наблюдаться несоответствия.

Усиленно наращивая свое экономическое (инвестиционное) влияние в Центральной Азии, Китай явно не собирается ждать Россию и / или согласовывать с ней его хозяйственную стратегию. Пекин самостоятельно и успешно развивает и инфраструктурные проекты в ЦАР. Некоторые китайские исследователи утверждают, что КНР «невыгодно, чтобы Центральная Азия принадлежала отдельным силам», что отношения с Россией в регионе – это «сотрудничество и конкуренция», что «соперничество двух стран будет продолжительным» [10. С. 122–129]. Однако при этом практически все китайские ученые и эксперты (политологи и экономисты) констатируют приоритет России в сфере поддержания региональной безопасности. Похоже, Пекин не прочь возложить на Москву все полномочия по поддержанию безопасности в ЦАР еще и потому, что это даст ему возможность сконцентрировать усилия на более удобных и / или «чувствительных» для него направлениях (например, ситуация в двух Китайских морях).

При всей своей напористости Китай прокладывает курс на расширение позиций в Центральной Азии весьма осмотрительно. Дипломатические усилия Поднебесной сфокусированы на том, чтобы избежать обострения отношений с Россией: КНР рассматривает нашу страну не как соперника, а как политического партнера в деле противодействия западному влиянию. («Большой» российско-китайский Договор о стратегическом партнерстве 2001 г. косвенно распространяется и на Центральную Азию). КНР позиционирует себя как государство, которое признает российские приоритеты и не пытается выдавить или подменить Россию в ЦАР. Однако экономически (по объемам

инвестиций и товарооборота, числу реализованных в последние 15 лет инфраструктурных и энергетических проектов) Китай на центральноазиатской «беговой дорожке» Россию обогнал.

Между российским и китайским видением освоения экономических ресурсов Евразии имеются несовпадения и даже противоречия. И волевым решением абсолютного «евразийского альянса» между РФ и КНР достигнуть невозможно. Вследствие этого РФ не просто стремится, но и вынуждена активно реализовывать собственную концепцию евразийской экономической интеграции – через уже функционирующий Таможенный союз (ТС) и недавно официально оформленный параллельный проект – Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Кыргызстана.

Очевидно, что характер соотношения интеграционных инициатив – ШОС, ЕАЭС и проекта под китайской эгидой «Экономический пояс Шелкового пути» – пока не определен; перспективы их слияния и / или со-развития также не ясны, хотя аналитическая работа по определению сфер сопряжения этих проектов активно ведется хотя бы на экспертном уровне. Однако само параллельное выдвижение этих проектов говорит о наличии нескольких версий региональной интеграции как в рамках ШОС, так и вокруг нее. Пока же Китай, успешно реализуя с рядом государств ЦАР – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном – двусторонние интеграционные и торговые проекты, декларативно придает им статус «общешосовских» инициатив.

Несомненно, что ключевым фактором в развитии ШОС становится и экономическая мотивация РФ, пытающейся сохранить для себя основные центральноазиатские источники углеводородов и транспортные «коридоры» их доставки и транзита. В энергетической и транспортной сферах особую конкуренцию России составляют такие акторы, как страны ЕС и Турция. А приоритетными партнерами РФ здесь являются Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Скоординированность усилий России и стран Центральной Азии может выступить катализатором межгосударственной кооперации и фактором эффективизации регионального разделения труда, например по таким направлениям, как глубокая переработка углеводородов, сооружение АЭС, ГЭС, строительство транспортной инфраструктуры и др.

Не стоит замалчивать факт российско-китайского энергетического соперничества в ЦАР, особенно после пуска в эксплуатацию в конце 2009 г. газопровода «Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай». Существуют несовпадения и в направленности инфраструктур ЕАЭС и стратегического проекта ЭППП. Так, китайские магистрали, в отличие от подлежащих задействованию в ЕАЭС, ориентированы на маршруты в обход России либо на путь, параллельный Транссибу (через Центральную Азию). Между двумя проектами имеются нестыковки и в плане ориентирования и загруженности потоков экспорта-импорта углеводородов.

Тем не менее в нефтегазовой сфере Россия и Китай являются соперниками только с коммерческой

точки зрения: на углеводородных рынках ЦАР наши страны находятся на этапе «мягкой» конкуренции. Диалог в рамках ШОС может быть механизмом предотвращения «жесткого» соперничества, которое ознаменовало бы собой перерастание технологических и коммерческих несоответствий в политическое противостояние. Подобное развитие событий не отвечает интересам ни той, ни другой стороны.

Председатель КНР Си Цзиньпин пригласил Туркменистан, РК, Узбекистан и Кыргызстан к участию в создании «Экономического пояса Шелкового пути» еще во время своего визита в страны Центральной Азии в 2013 г. Данный жест получил в государствах ЦА позитивный отклик [11]. Китайский лидер продекларировал намерение КНР играть активную роль в коллективном строительстве единой транспортной инфраструктуры от Тихого океана до Балтийского моря и вместе с Россией прилагать новые усилия по гармоничному развитию ЦАР [12]. Это актуализирует вопрос об иерархии и приоритетности центральноазиатских проектов в глазах Пекина. И к какому именно начинанию проявят больший интерес сами страны региона – к китайской ли инициативе или же проектам в рамках ШОС и ЕАЭС, – сказать трудно. Первая представляется весьма заманчивой, но остальные начинания – более ощутимы и посему более надежны. А вот распыление внимания участников по параллельным проектам может усилить фактор неопределенности в ЦАР и обострить для его стран проблему выбора основного стратегического партнера.

В результате рассмотрения центральноазиатского «среза» ШОС напрашивается вывод о том, что складывающаяся в ЦАР ситуация отличается сложностью и противоречивостью. Параллельно происходит рост роли РФ и КНР в Шанхайском форуме, от конструктивности которой в немалой степени зависят вектор развития региона и общая обстановка в нем.

Многие проблемы внутренней безопасности, стабильности и экономического прогресса Центральной Азии пока не поддаются полному разрешению. В условиях углубляющегося разрыва в экономическом развитии региональных «лидеров и аутсайдеров», нарастания целого ряда уже существующих и потенциальных вызовов и угроз религиозного, социально-экономического и политического характера достижение задач по модернизации и подъему государств ЦАР существенно осложняется.

В заключение видится целесообразным предложить ряд рекомендаций, направленных на повышение экономической эффективности Шанхайского форума, столь необходимой для раскрытия его интеграционного потенциала.

Экономическая эффективность международной организации (МО) – мало разработанный в мировой политологии вопрос. По мнению российского эксперта Е.И. Сафроновой, ее можно трактовать как результативность деятельности МО или как степень наполнения экономических потребностей стран – членов организации. «Степень наполнения» может быть представлена в качестве отношения стоимости полученных результатов экономической активности МО к

стоимости ресурсов, затраченных на их (результатов) достижение.

Как определить затраты на экономическую деятельность ШОС? Как затраты на работу ее Секретариата, координирующего в том числе и экономическую активность ШОС? (Эта величина крайне невелика. Каковы затраты, таков и результат.) Или какова стоимость финансовых и иных ресурсов, выделенных странами-участницами на реализацию совместных экономических проектов? Если так, то средства на экономические инициативы в ШОС выделяет только Китай (будь то связанное кредитование центрально-азиатских членов Организации или же сооружение ряда инфраструктурных объектов), поскольку только он заявляет о «шосовской» направленности ряда своих финансовых и производственных инициатив в Центральном-Азиатском регионе [13].

Взгляды стран-членов на результаты, которые они хотят получить от деятельности ШОС, тоже разнятся. КНР и многие страны Центральной Азии полагают, что даже в условиях усложнения ситуации с поддержанием безопасности хозяйственную сферу следует оставить во главе приоритетов ШОС. Россия же, обладающая большими сравнительными преимуществами в области оборонного взаимодействия и меньшими (по сравнению с Китаем) – в области экономики, не заинтересована во вспомогательном характере военного партнерства. Более того, она намерена обратить самое пристальное внимание на свой статус как экономического агента в Организации и в АТР в целом. Так, Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. выступил за проработку вопроса о создании масштабного экономического партнерства между странами ЕАЭС, ШОС и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). По мнению В. Путина, на первоначальном этапе такое партнерство могло бы сосредоточиться на вопросах защиты капиталовложений, оптимизации процедур трансграничного движения товаров, совместной выработке стандартов для продукции следующего технологического поколения и на взаимном открытии доступа на рынки услуг и капиталов [14] (что, по сути, подразумевает массивный процесс учреждения зон свободной торговли).

Отсюда возникает вопрос: поскольку расчет величины числителя и знаменателя ключевого соотношения настолько проблематичен и он будет еще более сложным, если РФ интенсифицирует свою экономическую деятельность в Шанхайской группе, то значит ли это, что ШОС – организация с неопределенной экономической эффективностью? Политически ШОС, несомненно, становится все более авторитетным явлением на мировой арене. Но происходит ли это за счет ее коллективной экономической эффективности? Думается, что пока нет.

Это происходит за счет очевидной политической востребованности Шанхайской группы всеми ее участниками. Однако если ШОС позиционирует себя не как структуру, обслуживающую текущие интересы государств-членов, а как жизнестойкую долговременную организацию, то рано или поздно вопрос о повыше-

нии ее экономической эффективности встанет во весь рост [13]. Объем статьи позволяет перечислить только некоторые возможные меры в данном направлении.

1. Очевидно, что для эффективизации ШОС следует не столько вырабатывать новые кооперационные программы (коих и так уже немало), сколько подвести их к практической реализации. Поэтому исходной задачей видится устранение нестыковок в подходах государств-участников Организации по таким базовым вопросам, как:

а) генеральное направление и основной смысл деятельности ШОС на обозримую перспективу (экономическое сотрудничество или военно-стратегическое взаимодействие, двусторонние экономические проекты или многосторонние комплексные начинания);

б) конкуренция РФ и Китая на рынке углеводородов из ЦА. Транспарентные, откровенные консультации могли бы сгладить остроту потенциального соперничества двух стран на соответствующем «поле»;

в) диверсификация транзитных возможностей центральноазиатских членов ШОС, в связи с которой возникает риск утраты Россией ее транспортных (практически монопольных) позиций в регионе. Поэтому и этот вопрос нуждается в конструктивном согласовании;

г) сглаживание противоречий между странами ЦА по проблемам вододелия и водопользования, прохождения границ, конкуренции во внешней торговле, соперничества на мировом инвестиционном рынке и проч., усиливающих конфликтный потенциал внутри Шанхайской группы [15. С. 77–86];

д) придание внятного характера взаимоотношениям ШОС с другими организациями, действующими на пространстве ЦА, – ОДКБ и недавно образованным ЕАЭС, тем более что некоторые виды деятельности этих организаций и ШОС «запараллелены». Это смягчило бы и обеспокоенность КНР по поводу ее невовлеченности в ОДКБ и ЕАЭС;

е) особенности внешнеполитического курса центральноазиатских столиц, которые, проводя линию на многовекторность своей внешней политики, не только лавируют между российским и китайским «берегами», но расширяют контакты с внерегиональными силами – США и ЕС. Это беспокоит ключевых членов ШОС – РФ и Китай – и требует снятия соответствующих «озабоченностей». Иными словами, первоочередной задачей ШОС видится превращение ее в эффективный консультационный механизм.

Особо важным консультативное взаимодействие является для «стрежнеобразующих» членов ШОС – России и Китая. Ведь именно от них зависит успех или неуспех деятельности ШОС как таковой.

2. Отладка кооперационных процессов внутри ШОС. Интеграция – это многоступенчатый процесс экономического взаимоврастания, до которого ШОС еще очень далеко. А кооперация в сферах, имеющих коллективное значение, – процесс более простой и посему более достижимый. Перспективными, особенно для РФ, областями коллективной кооперации могли бы стать машиностроение (преимущественно сельскохозяйственное); развитие производственных свя-

зей в несырьевых отраслях (прежде всего в инфраструктурных); модернизация добычных объектов; производство полуфабрикатов цветной металлургии и атомной энергетики (ибо основные промышленно-рентабельные запасы урановых руд и цветных металлов СНГ находятся в Центральной Азии, а доступными для Центральной Азии технологиями располагает Россия); сотрудничество в текстильной отрасли, поскольку без центрально-азиатского сырья текстильная промышленность РФ обречена на упадок [16. С. 141–144].

3. Повышение финансовой самостоятельности ШОС путем полного перехода к внешнеторговым расчетам в национальных валютах в обход доллара. Эта мера сняла бы зависимость торговли в ШОС от колебаний долларовых котировок, ускорила процессы торгово-экономической кооперации и уменьшила бы расходы на конвертацию валют, в целом повысив ка-

чество ВЭД. Однако она сопряжена и с риском доминирования юаня во «внутришосовских» расчетах. Очевидно, что РФ необходима собственная стратегия изыскания «шосовской» валюты. Здесь видится небесполезным анализ вопроса о введении особой расчетной единицы ШОС, аналогичной по функциям «переводному рублю» Совета экономической взаимопомощи (в 1964–1991 гг.).

4. Не стоит забывать, что при всей его значимости «проект» ШОС является для КНР лишь частным случаем ее региональной политики. И чем выше будет экономическая активность Китая в прочих международных структурах, тем очевиднее встанет вопрос о вероятности «перетекания» ресурсов страны иным адресатам; а для РФ – проблема повышения конкурентоспособности на других мировых «площадках». И это тоже требует внимания экспертов [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лузянин С.Г., Сафронова Е.И. Роль Китая и России в «возвышении» ШОС // Межсекционный сборник № 3 «Региональная политика» (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) : научное издание / под ред. В.И. Салыгина, С.Г. Лузянина и др. М. : МГИМО–Университет, 2015. С. 81–85.
2. Сафронова Е.И. К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС–Афганистан» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2012. Вып. XVII. С. 280–293.
3. Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель 2014–2015: рабочая тетр. № 21/2015 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2015. 36 с.
4. Лузянин С.Г. Центральная Азия: измерения безопасности и сотрудничества. URL: http://www.perspektivy.info/rus/desk/centralnaja_azija_izmerenija_bezопасности_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm
5. Сайт ИА Kazakstan Today. URL: http://kt.kz/rus/economy/tovarooborot_kazahstana_i_kitaja_za_2013_god_dostig_22_53_mlr_d_1153585107.html
6. Сайт Института каспийского сотрудничества. URL: <http://www.casfactor.com/ru/news/5588.html>
7. Сайт ИА «Новости-Казахстан». URL: <http://newskaz.ru/politics/20150901/9575014.html>
8. Сайт ИА «BNews.KZ». URL: <http://bnews.kz/ru/news/post/205162>
9. Лузянин С.Г. Китай в Центральной Азии: «Взаимный выигрыш» или экспансия? URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/236557/>
10. Сунь Чжуанчжи. Шанхай хэцзо цзучжи: жэнь чжун ер дао юань (Шанхайская организация сотрудничества: ответственность велика, а путь далек) // Сьендай шицзи. 2012. № 7. С. 122–129.
11. Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8505971.html>
12. Официальный сайт Президента РК. URL: http://www.akorda.kz/ru/page/page_214693_segodnya-prezident-kazahstana-nursultan-nazarbaev-i-predsedatel-kitaiskoi-narodnoi-respubliki-si-ts
13. Сафронова Е.И. Возможные пути повышения экономической эффективности ШОС. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2012/safronova05_2012site.pdf
14. ИА России «ТАСС». URL: <http://tass.ru/politika/2494743>
15. Сафронова Е.И., Тихонов О.С. Проблемы центральноазиатской интеграции в контексте ШОС // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М. : ИДВ РАН, 2003. Вып. VIII. С. 69–96.
16. Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами – членами ШОС и Туркменистаном. М. : ИДВ РАН, 2009. 264 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 31 января 2016 г.

THE “RISE” OF THE SCO: ACHIEVEMENTS AND IMPEDIMENTS

Tomsk State University Journal, 2016, 404, 105–110. DOI: 10.17223/15617793/404/16

Luzyanin Sergey G. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Science (IFES RAS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: Lousianin@ifes-ras.ru

Frolenkov Vitaly S. Inspectorate 5 of the Federal Tax Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: hayrumores@yandex.ru

Keywords: SCO (Shanghai Cooperation Organization); security threats; foreign economic relations; EAEU (Eurasian Economic Union); SREB (Silk Road Economic Belt); effectiveness of international organization.

The article presents the idea that nowadays the Shanghai Cooperation Organization is a rapidly evolving “node” of a multipolar world, capable to oppose various global and regional risks. But despite the overall consolidation of the global stance of the SCO, the basic function of it refers to a regional level. The SCO’s 2016 Model provides for the expansion of the regional agenda in view of the current deepening of the Central Asian disparities (growth of traditional and non-traditional threats to security, including related to the ISIS, economic recovery of some states and the decline of others, need to render aid to turbulent Afghanistan, etc.), as well as the conflict between the SCO key country, Russia, and the SCO observer state, Turkey. Despite the tangible success of cooperation within the SCO, discrepancy of interests of some member states is observed in terms of economic development. Therefore, Russia has to implement its own concept of Eurasian economic integration through the already functioning Customs Union (CU) and the “young” parallel project, the Eurasian Economic Union (EAEU) as well. The latter is especially topical due to the advancement by China of the Silk Road Economic Belt strategy. The authors draw some proposals to improve the efficiency of the SCO as an international

organization. So, to ensure its further “peaceful rise” the SCO should not only develop new cooperative programs, but rather bring the old ones to the stage of practical implementation. Firstly, it is advisable to eliminate intraSCO discrepancies on a number of issues, among which are: general direction and motivation of the SCO activity in the foreseeable future (economic cooperation or military-strategic cooperation); political and economic discords between Central Asian countries enhancing the conflict potential in the SCO; efficiency of the relationship between the SCO and other organizations in the Central Asian area – the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the newly formed EAEU; political maneuvering of Central Asian capitals between Moscow and Beijing along with the expansion of their contacts with doubtfully friendly non-regional forces, such as the US and the EU. Moreover, the authors see urgent helpfulness not only in hard-to-reach “high” integration notions, but also in “simple” cooperative initiatives associated with some practical economic activities within the SCO; as well as in increasing the financial self-reliance of the SCO by implementing settlements in national currencies and introducing a special SCO accounting unit, functionally similar to the “transferable ruble” of the Council for Mutual Economic Assistance in 1963–1991. The article concludes that for China the “project” of the SCO is only a particular case of the PRC’s regional policy. And the higher the activity of China in other international structures, the more obvious will become the probability of Chinese resources “spillover” to non-SCO recipients; and for the Russian Federation the problem of increasing its competitiveness in other world “platforms”.

REFERENCES

1. Luzyanin, S.G. & Safronova, E.I. (2015) Rol' Kitaya i Rossii v “vozvyshenii” ShOS [China’s and Russia’s role in the “elevation” of the SCO]. In: Salygin, V.I. et al. (eds) *Regional'naya politika* [Regional policy]. Is. 3. Moscow: MGIMO–Universitet.
2. Safronova, E.I. (2012) K voprosu ob optimizatsii ekonomicheskikh otnosheniy po linii “ShOS–Afghanistan” [On the issue of optimization of economic relations through the “SCO–Afghanistan”]. In: Safronova, E.I. (ed.) *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity]. Vol. 17. Moscow: RAS IFES.
3. Luzyanin, S.G. (2015) *Shangkhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: model' 2014–2015: rabochaya tetr. № 21/2015* [The Shanghai Cooperation Organization: 2014–2015 Model: workbook 21/2015]. Moscow: Spetskniga.
4. Luzyanin, S.G. (2012) *Tsentral'naya Aziya: izmereniya bezopasnosti i sotrudnichestva* [Central Asia: Measurement of security and cooperation]. [Online]. Available from: http://www.perspektivy.info/rus/desk/centralnaya_azija_izmereniya_bezopasnosti_i_sotrudnichestva_2012-02-06.htm.
5. Website of the Kazakhstan Today Information Agency. [Online]. Available from: http://kt.kz/rus/economy/tovarooborot_kazahstana_i_kitaja_za_2013_god_dostig_22_53_mlr_1153585107.html. (In Russian).
6. Website of the Institute of Caspian Cooperation. [Online]. Available from: <http://www.casfactor.com/ru/news/5588.html>. (In Russian).
7. Website of the Novosti-Kazakhstan Information Agency. [Online]. Available from: <http://newskaz.ru/politics/20150901/9575014.html>. (In Russian).
8. Website of the BNews.KZ Information Agency. [Online]. Available from: <http://bnews.kz/ru/news/post/205162>. (In Russian).
9. Luzyanin, S.G. (2013) *Kitay v Tsentral'noy Azii: “Vzaimnyy vyigrysh” ili ekspansiya?* [China in Central Asia, “win-win” or expansion?]. [Online]. Available from: <http://mgimo.ru/about/news/experts/236557/>.
10. Sun Zhuangzhi. (2012) The Shanghai Cooperation Organization: responsibility is great, but the way is far. *Senday Shiji*. 7. pp. 122–129. (In Chinese).
11. *People's Daily Online*. [Online]. Available from: <http://russian.people.com.cn/95181/8505971.html>. (In Russian).
12. The official website of the President of the Republic of Kazakhstan. [Online]. Available from: http://www.akorda.kz/ru/page/page_214693_segodnya-prezident-kazahstana-nursultan-nazarbaev-i-predsedatel-kitaiskoi-narodnoi-respubliki-si-ts. (In Russian).
13. Safronova, E.I. (2012) *Vozmozhnye puti povysheniya ekonomicheskoy effektivnosti ShOS* [Possible ways to improve the economic efficiency of the SCO]. [Online]. Available from: http://www.ifes-ras.ru/images/stories/2012/safronova05_2012site.pdf.
14. TASS. The News Agency of Russia. [Online]. Available from: <http://tass.ru/politika/2494743>. (In Russian).
15. Safronova, E.I. & Tikhonov, O.S. (2003) Problemy tsentral'noaziatskoy integratsii v kontekste ShOS [Problems of Central Asian integration in the context of the SCO]. In: Safronova, E.I. (ed.) *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity]. Vol. 7. Moscow: RAS IFES.
16. Frolenkov, V.S. (2009) *Sovremennye torgovo-ekonomicheskie otnosheniya KNR s tsentral'noaziatskimi stranami-chlenami ShOS i Turkmenistanom* [Modern economic and trade relations between China and Central Asian countries-members of the SCO and Turkmenistan]. Moscow: RAS IFES.

Received: 31 January 2016